

Глава 9
ЯРКИЙ СВЕТ ПОДВИГА

*Я любил Овода, но Маресьева
полюбил сильнее. Он был моим
современником, жил вместе с нами на
одной земле, и мне хотелось
встретиться с ним, пожать его
мужественную руку.*

Ю. А. Гагарин, первый космонавт

Двенадцатое апреля 1961 года. 10 часов 15 минут... Кажется, весь мир, затаив дыхание, слушает радио, слушает Москву. Человек в космосе! Русский в космосе! В эфире звучит немного взволнованный голос диктора Ю. Б. Левитана:

— Полет продолжается! Пилот-космонавт Юрий Гагарин чувствует себя хорошо...

Проходят еще минуты. Десять, двадцать... Вновь левитановский голос, теперь уже стальной и радостный:

— Советский корабль «Восток» совершил благополучную посадку в заданном районе... — И еще несколько дорогих и важных слов для людей, сидящих у приемников, произносит диктор: — «Прошу доложить партии и правительству, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею».

Юрий Гагарин... В считанные минуты планета Земля узнала имя этого человека. Но вряд ли кто из миллионов людей ведал, что кумиром первого космонавта был легендарный летчик Алексей Маресьев. Да и сам Маресьев узнал об этом, когда спустя пять дней после исторического полета произошла их встреча в телевизионной студии. Два Героя. Два майора. Гордость страны. Маресьев обнял Гагарина, долго и крепко жал ему руку, сразу и бесповоротно начал разговор на «ты». Маресьеву на тот момент уже было 45 лет, а свежеиспеченному майору Гагарину — 28.

В своей книге «Дорога в космос. Записки летчика-космонавта» Гагарин вспоминал, как он, будучи студентом Саратовского индустриального техникума, впервые узнал о Маресьеве: «В кино мы бывали почаще. Обычно ходили компанией, ведь в техникуме учились и девушки. После каждого фильма обязательно обменивались мнениями, спорили. Мне нравился фильм “Повесть о настоящем человеке”, сделанный по книге Бориса Полевого. Я смотрел его несколько раз и книгу тоже прочитал не один раз. Хорошо в ней показана сила духа советского человека. Алексей Маресьев — прототип героя “Повести о настоящем человеке” — был посильнее полюбившихся мне героев Джека Лондона, он был ближе мне по духу и устремлениям. Я частенько прикидывал про себя, как бы поступил, довелось мне попасть в такой же переплет,

как Маресьеву. С детства я любил “Овода”, созданного Лилян Войнич. Это был любимый герой мальчишек. Я читал: “У него на груди был спрятан платок, оброненный Монтанелли. Он осыпал этот платок поцелуями и проплакал над ним всю ночь, как над живым существом...” И видел перед собой этот скомканный платок, ощущал его соленую влажность, ясно слышал выстрелы солдат, стрелявших в Овода.

Я любил Овода, но Маресьева полюбил сильнее. Он был моим современником, жил вместе с нами на одной земле, и мне хотелось встретиться с ним, пожать его мужественную руку».

Мечта Гагарина осуществилась. Во время той первой встречи он, волнуясь, крепко пожал руку Маресьеву. А тот подарил ему его любимую «Повесть о настоящем человеке», написав на титульном листе: «Желаю тебе пилотировать космические корабли на Луну, Марс, Венеру...»

С того памятного апрельского дня 1961 года началась дружба этих двух замечательных людей, продолжавшаяся вплоть до самой трагической смерти первого космонавта планеты. Их пути пересекались на партийных и комсомольских съездах, пленумах, слетах, конференциях... Вместе часто ездили на рыбалку, к слову сказать, оба были заядлыми рыбаками. Дружили семьями. Всегда, как и положено друзьям, помогали друг другу. Вот лишь один из примеров.

У Маресьева был катер. Вскоре и у Гагарина он появился — щедрый подарок первооткрывателю космоса сделала датская королева. Однако возникли проблемы с его регистрацией и стоянкой. Безусловно, рано или поздно проблемы были бы сняты, но Маресьев ускорил для своего «кореша» (так он иногда называл Гагарина) решение вопроса. Вскоре катера друзей стояли рядом. На борту маресьевского красовалась надпись МАГВА. Эта аббревиатура расшифровывалась так: Маресьев Алексей, Галина, Виктор, Алек- 234 сей, то есть все члены семьи. А у Гагарина катер назывался «Дружба».

Последний раз друзья виделись за три дня до смерти Гагарина. Маресьев тогда находился в госпитале. Там же лежала и Валентина Ивановна, жена космонавта. Навестив супругу, Гагарин заглянул в палату к Маресьеву. Они шутили, строили планы поездки на рыбалку. Ничто, казалось, не предвещало беды. Однако она случилась. 27 марта 1968 года полковник Гагарин, выполняя тренировочный полет на самолете МиГ-15УТИ под руководством опытного инструктора, Героя Советского Союза полковника В. С. Серегина, погиб в авиационной катастрофе. На фронте, в воздушных схватках с фашистами, Маресьеву часто приходилось терять боевых товарищей. Но то была война. По словам сына Виктора, «отец очень сильно переживал смерть Гагарина».

Юрий Гагарин был одним из тысяч послевоенных ребят,

которые пришли в авиацию, прочитав книгу Бориса Полевого о подвиге Маресьева. Многие из них осуществили свои первые прыжки с парашютом в авиационно-спортивных клубах, совершили там первые полеты на планерах и самолетах.

«Впервые встретиться с гвардии майором в отставке А. П. Маресьевым мне довелось в 1948 году в Пермском авиационно-техническом училище, где я проходил курс молодого бойца, — вспоминал впоследствии бывший летчик, полковник А. М. Хоробрых. — К тому времени каждый из нас, мальчишек военной поры, уже не по одному разу прочитал “Повесть о настоящем человеке” и знал до мельчайших подробностей героическую одиссею летчика с уникальной судьбой.

Знать-то знали, но не все верили в правдоподобность описанных в книге событий. И вот он идет своей неспешной походкой по залу, поднимается на сцену, подходит к трибуне. Зал, стоя, аплодирует ему, а мне так и хочется крикнуть: “Покажите протезы”. Но я, конечно, молчу, как молчат и другие. Этому коренастому человеку с волнистыми волосами и мужественным лицом давно и безраздельно отданы наши сердца.

Сейчас я уже не помню, о чем тогда говорил Алексей Петрович. Но точно знаю, что именно в тот вечер я окончательно решил стать летчиком. Да разве только я! Когда потом сдавал вступительные экзамены в училище, где готовили летчиков, многие абитуриенты привезли с собой вместе с учебниками и “Повесть о настоящем человеке”».

А вот еще два признания из многих сотен.

«Если бы в детстве я не посмотрел фильм “Повесть о настоящем человеке”, то вряд ли я бы стал летчиком», — сказал на встрече с будущими пилотами дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт Алексей Алексеевич Леонов.

«После того как я прочел книгу, посмотрел фильм, у меня не было раздумий, кем быть, конечно, летчиком». Эти слова принадлежат последнему министру обороны великой страны под названием Советский Союз маршалу авиации Евгению Ивановичу Шапошникову.

«Делали» жизнь с Маресьева и за рубежом. Показательна в этом отношении удивительная история французского летчика Анжела Казажуса. Вот его трогательный рассказ: «Моя жизнь самым удивительным образом оказалась связанной с именем легендарного советского летчика А. П. Маресьева. А состоялось мое первое знакомство с ним в далекие 50-е годы.

Родился и вырос я в деревне под названием Марсельен, расположенной на юге Франции. Мой отец, перебравшийся во Францию после гражданской войны в Испании, возглавлял тогда местную ячейку французской компартии.

Примерно дважды в год мы всей семьей присутствовали на

агитационных показах советских послевоенных фильмов. И вот в один из таких вечеров я, будучи семилетним мальчишкой, и посмотрел впервые фильм “Повесть о настоящем человеке”. Эта героическая история настолько потрясла все мое сознание, что уже к концу сеанса я совершенно осознанно принял для себя решение стать во что бы то ни стало летчиком и объявил об этом своей маме.

Шли годы, мечта не покидала меня. И вот, когда мне исполнилось 14 лет, я наконец-то поступил в государственный лицей воздухоплавания в Тулузе!

Затем была упорная учеба, первые полеты. В возрасте 19 лет, практически одновременно с правами на свой первый автомобиль, я получил долгожданный диплом профессионального летчика и летную лицензию.

Потом мне довелось три года служить военным летчиком в ВВС Франции, где я набрался летного опыта и налетал много часов. Вернувшись к гражданской жизни, я еще около десяти лет пилотировал такие самолеты, как Фоккер-27 на почтовых рейсах “Эр Франс”, пассажирские: двухтурбинный Фоккер-28 и Боинг-727.

Казалось бы, мечта сбылась, но все не давало покоя желание вновь увидеть этот незабываемый фильм. Даже ночами снились кадры, особенно эпизод, когда летчик после госпиталя вновь мужественно учился летать и руками помогал своим непослушным ногам, чтобы выбраться из тесной кабины самолета.

Так уж случилось, что в 43 года я принял решение изменить профессию. Я стал работать директором по экспорту компании CHEMINEES PHILIPPE. Но и здесь судьба преподнесла мне подарок.

Однажды, в середине 90-х годов я впервые оказался по служебным делам в Москве. В аэропорту меня встречал А. И. Полуэктов — мой новый российский партнер.

Буквально в первые же минуты разговора я поинтересовался возможностью вновь посмотреть фильм “Повесть о настоящем человеке”. Одновременно узнал об огромной народной славе Алексея Петровича Маресьева, ставшего реальным прототипом героического летчика из моего детства... И уже во время следующего визита в Москву мои российские друзья вручили мне кассету с фильмом!

Трудно передать чувства, которые я вновь испытал, просмотрев дома с моим младшим сыном Бастьяном “Повесть о настоящем человеке”. С тех пор я храню у себя кассету как подлинную реликвию.

Но главный сюрприз ожидал меня впереди. В начале апреля 1998 года я вновь прилетел в Москву для участия в выставке. Каково же было мое изумление, когда мой коллега и друг А. И. Полуэктов сказал, что на следующий день должна состояться

наша встреча в Российском комитете ветеранов войны с самим Алексеем Петровичем Маресьевым!

Я тогда не смог уснуть всю ночь, ведь предстоящая встреча с героем моей молодости, повлиявшим на всю мою жизнь, была настоящим подарком судьбы...

На следующее утро, заметно волнуясь, я переступил порог кабинета своего кумира. Навстречу встал легендарный Маресьев. Крепко обнялись. Трудно было сдержать слезы, все как будто происходило во сне! Завязалась удивительная и незабываемая беседа двух летчиков.

Я подробно рассказал о себе. Оказалось, что и у Алексея Петровича мечта о небе зародилась в ранней юности.

Много вопросов я, конечно же, задавал о самом подвиге, о том, как это отображено в книге и фильме. Алексей Петрович, будучи человеком очень скромным, о своих заслугах говорил очень сдержанно. На вопрос же: все ли в произведении так, как было на самом деле, вздохнул, ответил, что если бы показали бы всю правду, то, наверное, никто бы не поверил. Но особенно мой собеседник сожалел о том, что так и не смог приехать на то место, где был подбит его самолет, где его нашли в лесу деревенские ребята.

Отведенное нашей встрече время уже давно закончилось, а мы все никак не могли расстаться. За дружеской беседой время прошло незаметно.

Перед расставанием опять обнялись, обменялись сувенирами, подняли символически по рюмке коньяку. Я пообещал тогда сказать своему старшему сыну Яннику, чтобы он, как священник, попросил для Алексея Петровича у Господа Бога побольше здоровья и долгих лет жизни.

Эта встреча оставила в моей памяти неизгладимое впечатление. Я ее считаю, пожалуй, самым важным событием в своей жизни. С тех пор фотографии о той встрече я всегда беру с собой в поездки, они висят у меня дома и в рабочем кабинете.

Уже позже я узнал, что у А. П. Маресьева под Москвой достраивалась дача. Строить ее, оказывается, он начал уже давно. Вместе с женой, будучи на протезах, сам корчевал и таскал пни, копал землю... На память своему другу для его дачи я подарил действующий французский камин GODIN. Меня потом приглашали туда. Получилось красиво. Говорят, что Алексей Петрович любил иногда посидеть перед огнем...

Я всю жизнь буду бесконечно счастлив и благодарен тому, что судьба дала мне шанс обрести и осуществить мою мечту, встретить на своем пути Настоящего человека, каким был Алексей Петрович Маресьев».

Со всех концов огромной страны в адрес Маресьева шли письма. По этим посланиям можно судить, кем для каждого из них

в те годы и позже был герой книги «Повесть о настоящем человеке».

«Я пишу об Алексее Петровиче Маресьеве, потому что он стал частью наших судеб, а его подвиг по силе воздействия на устроение всего нашего поколения — явление ни с чем не сравнимое, — это строки из письма полковника в отставке В. П. Грибкова. — Мы занимали очередь за книгой Бориса Николаевича Полевого «Повесть о настоящем человеке». На всю школу была только одна книга, и на чтение давалась ночь. Подвиг и жизнь Алексея Петровича слились с нашей жизнью, окрылили нас верой в доступность любой мечты, если она не покидает земных границ и зависит от человеческой воли...

Мы мечтали, Саша Юдин, Анатолий Поляков, Александр Сапожников, Ваня Братов — все мы решили стать офицерами. Но только Юдин прошел медкомиссию, а нам посоветовали выбрать гражданскую профессию. Это было в 9-м классе. Отказаться от своей мечты? Нет! Впереди еще год. И началось: подъем в 6 часов утра, на зарядку час — перекладина, гири, толкание ядра, стойка на руках, обливание холодной водой...

— Батальон! Смирно!.. Вольно! — Я стал курсантом Ульяновского гвардейского танкового командного дважды Краснознаменного училища имени В. И. Ленина. Впереди жизнь, о которой мы мечтали».

Судьба Маресьева учила людей мужеству, стойкости в любых испытаниях, вере в жизнь, в могущество человеческой воли. Для многих его подвиг служил моральным подспорьем, особенно для тех, на кого проблемы со здоровьем обрушились внезапно.

«В начале 1953 года я тяжело заболел, — написал в газету «Комсомольская правда» бывший офицер-пограничник В. П. Кныш. — Два месяца без движения, и почему-то казалось, что жизнь окончена и вернуться вновь к нормальной деятельности мне не суждено. В мае месяце благодаря медперсоналу гарнизонного госпиталя я начал ходить. Через две недели должна была состояться Военно-врачебная комиссия, которая будет решать мою судьбу относительно дальнейшей службы в армии. Учился я в пограничной школе и через полгода должен был, закончив ее, получить первое офицерское звание. Как-то я попросил дежурную медсестру найти мне книгу «Повесть о настоящем человеке». Она выполнила мою просьбу. В первую же ночь прочитал всю книгу, а еще две ночи читал, повторяя эпизоды подготовки А. П. Маресьева к медкомиссии и его поведения уже на ВВК. Я не просто читал, я был на месте героя. Я представлял внутреннее его состояние при ощущении нечеловеческой боли.

Ночью я поднимался с постели, еле держась на ногах и опираясь на спинку кровати, повторял десятки раз упражнения. И вот этот день настал. Я подошел к начальнику ВВК четким

строевым шагом и по всей форме доложил о прибытии. Это первое, что его озадачило. Глядя на меня, он взял в руки лист с медицинским заключением и спросил лечащего врача: “Вы не перепутали, это тот больной?” Врач подтвердил. “Мы хотим вас комиссовать по состоянию здоровья”, — как-то мягко сказал председатель комиссии. Тогда я сделал 30 приседаний, 25 отжиманий от пола, три повтора полного комплекса утренней физзарядки и прошел два круга строевым шагом...

Через неделю я был в пограничной школе. Экзамены сдал успешно, стал офицером и прослужил еще 24 года на границе...»

Автору этих строк тоже довелось встречать на своем пути офицеров из героического маресьевского племени. Причем одна встреча оказалась очень схожей с той, что произошла летом 1943 года, когда впервые встретились Полевой и Маресьев. Но обо всем по порядку.

В середине 1980-х годов, будучи военным корреспондентом, я находился в служебной командировке в городе Орджоникидзе*.

*** Название города Владикавказ в 1931 — 1944 и 1954—1990 годах.**

Вечером в мой гостиничный номер подселили еще одного постояльца. Это был стройный, подтянутый и симпатичный капитан с золотистой нашивкой за тяжелое ранение и орденой планкой на кителе. В красных петлицах поблескивали общевойсковые эмблемы, что свидетельствовало о его принадлежности к матушке-пехоте.

— Александр Бузаров, — широко улыбаясь, представился он и протянул руку.

Служивые люди сходятся быстро. Армия, хотя и большая, но общие знакомые, друзья и товарищи обнаруживаются сразу. Александр прошел Афганистан, служил в мотострелковом батальоне, которым командовал в прошлом выпускник его училища Герой Советского Союза Руслан Аушев. Ему, правда, довелось служить уже с братом Руслана — Багаутдином. В свою очередь я сказал, что знаю Султана Юсуповича — отца братьев Аушевых, встречался с ним в Грозном в редакции газеты «Сердало», где он заведовал отделом. А с Русланом мои пути в Москве тоже однажды пересеклись. Слово за слово, и наш разговор потек быстрым ручьем. Незаметно подошло время спать. Готовясь ложиться в постель, Александр с некоторым смущением предупредил меня:

— Ты только не удивляйся, когда я буду снимать протез... У меня нет ноги...

— Как нет ноги? — с недоумением спросил я.

— А так нет. «За речкой» потерял, — все с той же широкой улыбкой ответил он.

Уже через минуту я слушал рассказ человека, судьба которого была сродни маресьевской...

— Я тогда командовал мотострелковым взводом. Днем был тяжелый бой с душманами, — вспоминал Бузаров. — Да и до этого двое суток практически оставался на ногах — добивали банду «духов», зажатую в одном из ущелий. Ребята устали, уложил их спать, а сам пошел проверить службу боевого охранения. Надо было пройти каких-то несколько десятков метров по горной тропе. Ночь, правда, была, хоть глаза выколи. Где-то впереди звонко, как дробь барабана на параде, ударила пулеметная очередь и эхом покатила по горам. Я тут же снял автомат с предохранителя.

Дальше, по словам Александра, он снова продолжил путь, шаг за шагом поднимаясь по тропе вверх. Мог ли он знать, что за ближайшим валуном его ждет беда...

Темные вершушки гор, озаренные вспышкой слепящего огня, перевернулись. Александр услышал взрыв, но боли не почувствовал. Только и уловил взглядом это — перевернувшиеся горы и яркий сноп огня. Через несколько минут он открыл потяжелевшие веки и увидел небо, все усыпанное крупными звездами. Они то приближались, то вообще исчезали из виду. Александр лежал, распластавшись на твердой каменистой тропе, и медленно начинал осознавать, что с ним произошло. Он понял, что напоролся на мину. Потом попытался подняться, но острая боль прострелила ноги. Бузарову показалось, что звезды, висевшие над ним, посыпались сверху. На какие-то мгновения он потерял сознание. Очнувшись, пополз по тропе, оставляя за собой кровавую дорожку.

— Потом я снова потерял сознание, — сделал паузу в своем рассказе мой собеседник. — Да, точно потерял. Очнулся от того, что чьи-то сильные руки подхватили меня и понесли. Мелькнуло страшное предположение: душманы! Но тут же услышал мягкий голос нашего медика лейтенанта Петра Конюха: «Крепись, Саня!» Это сразу успокоило. Я даже начал говорить с Конюхом: «Ног, Петя, не чувствую. Какие-то они ватные...»

В лагере ему сделали перевязку, и оставшиеся до утра часы Бузаров провел в странном полузабытьи. Он то открывал глаза и затевал разговор с Конюхом, который неотлучно находился рядом, то проваливался куда-то в неизвестность.

На рассвете на позиции приземлился вызванный по радиации вертолет. В натужном гуле винтокрылой машины сознание в очередной раз ускользнуло от Александра. И надолго. Он пришел в себя уже в госпитале. Увидел перед собой людей в белых халатах. Один из них, средних лет хирург, как-то виновато посмотрел на Александра. Затем отвел взгляд и с грустью сказал: «Прости, лейтенант».

Бузаров сначала не понял, почему хирург, старше его по

возрасту и наверняка по званию, извиняется перед ним. Когда медики вышли, Александр приподнялся и с видом, с каким обычно что-то ищут, судорожно провел рукой по простыне, укрывавшей ноги. Там, где должна быть правая нога, он нащупал пустоту.

Только теперь Бузаров вполне осмыслил все, что произошло той трагической ночью на горной тропе. Он никогда больше не вернется к своим отважным ребятам, не повоюет с ними. Ему никогда больше не стоять в армейском строю, никогда! Теперь он инвалид, лишенный любимого дела, прикованный к месту, обуза в доме, лишний в жизни. И ничего уже нельзя изменить...

На глазах 23-летнего лейтенанта выступили слезы. Он не мог их сдержать. Тяжелые холодные капли катились по его бледному от тоски и боли лицу, и они ему были единственным облегчением. Так Александр плакал второй раз в жизни. А первый, когда у него, еще мальчишки, умерла мать...

На несколько недель после операции Александр ушел в себя. Не жаловался, не раздражался. Целые дни он неподвижно лежал на койке и в основном молчал. Днем еще лежать было сносно. Рядом разговаривали соседи, приходили врачи, медсестры. Кстати, они, как могли, поддерживали Бузарова. Не забывали его и боевые товарищи по службе на афганской земле — часто писали письма. А кто с оказией попадал в Ташкент, обязательно забегал хоть на десяток минут к нему в госпиталь.

Коротать ночи было куда труднее. Александр оставался один на один со своими мыслями. О чем только не думалось. За первые недели он, казалось, перетряхнул всю память, заглянул в каждый ее уголок. Вспоминал, как с ребятами играл в футбол, как ходил с ними в поход в горы, как, повзрослев, торопился на свидание к знакомой девчонке...

О многом передумал Александр в пору тех бессонных ночей. Но всегда сверлили голову и не давали покоя одни и те же вопросы: «Как жить дальше?», «Неужели ничего нельзя исправить?».

В один из дней в палате зашел разговор о таких людях, как Алексей Маресьев, офицеры - «афганцы» Валерий Гринчак, Валерий Бурков, Валерий Радчиков... Ведь они же вернулись в боевой строй. Им-то разрешили. У него, Александра, почти аналогичная ситуация. Значит, он тоже может возвратиться, надо только набраться мужества и победить недуг. Бузаров тогда твердо сказал себе: «Вернусь!»

Но Александр отдавал себе отчет и в том, что армии нужны здоровые, крепкие люди, а он инвалид. Он знал: предстоят труднейшие испытания и психологически готовился к ним.

После долгих месяцев наступил тот день, когда вместо костылей он встал на протез. Как это оказалось трудно сделать! Он ощутил резкую боль, пронзившую, кажется, каждую клеточку тела.

С минуту постоял, вытер со лба выступившие холодные бисеринки пота. Потом шагнул. На втором шаге упал. Глухо застонал. Не столько от боли, сколько от бессилия. Рывком встал и снова беспомощно полетел на пол...

Теперь он каждый день учился заново вставать, учился заново ходить. Его шаги были сродни тем опасным шагам по горным заминированным тропам в глухих афганских ущельях.

Преодолевая адскую боль, Александр атаковал госпитальный коридор. Обессиленный, он с трудом добирался до койки. Отдыхал и опять отмерял трудные метры. Он побеждал недуг с одержимостью Настоящего человека — Алексея Маресьева.

Наконец наступил день, когда Александр без помощи соседей по палате с палочкой пришел на перевязку. Людмила, медицинская сестра, увидев его, даже вскрикнула от радости: «Ну, молодчина, Сашка!» — и громко чмокнула его в щеку.

Тут же у медсестры он взял чистый лист бумаги и написал: «Министру обороны», а чуть ниже: «Рапорт». Изложил в коротких строках свою биографию и попросил оставить в Вооруженных силах. В успех не верил, но очень надеялся.

— Когда пришел приказ, согласно которому меня оставили служить в армии, я был счастлив как никогда, — продолжал свой рассказ Бузаров. — Не поверишь, на радостях станцевал даже лезгинку. Я ведь осетин по национальности...

Не удержался, спросил у Александра: не прибегает ли он к помощи палки?

Он ответил:

— Знаешь, во время отпуска заезжал в гости к своему старому школьному другу и у него ее забыл. Выходит, она мне не нужна... Маресьев ведь тоже без палочки ходит.

Я его несколько раз по телевизору видел, а ведь у него нет обеих ног...

К сожалению, нет таких данных, где бы указывалось скольким людям, изувеченным войной, Маресьев помог выдержать суровые испытания, найти свое место в жизни. Однако с уверенностью можно сказать, что счет идет не на десятки, не на сотни, а, может быть, даже на тысячи человеческих судеб. В их числе и судьба еще одного человека — участника контртеррористической операции в Чеченской Республике капитана Алексея Михайловича Чагина.

16 апреля 1998 года группа старшего лейтенанта А. М. Чагина сопровождала группу генералов и офицеров, прибывших проверить опорный пункт Малгобек. Передвижение осуществлялось колонной из трех машин, в которых находилось 20 человек. Утром на административной границе Северной Осетии и Ингушетии у перевала Хурикау в условиях спустившегося плотного тумана колонна попала в засаду. Боевики в масках в упор открыли огонь из

автоматов и гранатометов. Разведчики и офицеры штаба открыли ответный огонь. Завязался скоротечный бой. Чагин умело руководил подчиненными, боевики получили отпор и отступили. Офицер организовал пеший отход к ближайшему блокпосту и эвакуацию раненых.

В ходе боя пропала третья машина. Был организован ее поиск. Чагин с двумя бойцами на КамАЗе местного жителя двигался первым. По дороге грузовик без предупреждения был обстрелян из крупнокалиберного пулемета встречным бэтээром местной милиции, экипаж которого принял грузовике чеченскими номерами и людьми в камуфляже за боевиков. Рядовой Максим Шмальц погиб на месте, сержант Виталий Гавриленко был ранен. Чагин получил тяжелые ранения обеих ног, груди и головы, сумев, однако, подать сигнал о прекращении стрельбы. В Моздокском госпитале ему была сделана операция, после которой Чагин оказался в таком же положении, что и Маресьев, без ног.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, Указом Президента Российской Федерации от 6 июля 1998 года старшему лейтенанту А. М. Чагину было присвоено звание Героя Российской Федерации, а также досрочно — воинское звание капитана.

О судьбе армейского разведчика рассказали Маресьеву. Он решил встретиться со своим тезкой, поддержать его. Такая встреча состоялась в военном госпитале имени Н. Н. Бурденко. Вот как ее описал журнал «Ветеран войны»: «Что тут было, трудно передать словами. Сильными руками Алеша [Чагин] рванул коляску к Маресьеву, тот потянулся навстречу. Руки двоих — одного молодого, другого пожилого... Руки людей почти одинаковых судеб сцепились в крепких объятиях. Два Алексея, старший и младший, долго не отпускали друг друга. Что чувствовали оба, можно только догадываться».

После ампутации ног Чагин прошел те же испытания, что и Маресьев: госпитали, минуты отчаяния, медленное возвращение к жизни... Но у него был образец для подражания — Маресьев. На момент встречи с Алексеем Петровичем Чагин делал только первые шаги на протезах. Ему было тяжело и непривычно в них ходить.

— Падать духом не надо, — напутствовал его легендарный летчик. — Добивайся своего. Все получится я верю Алеша!

У этой истории, как и у многих подобных, счастливый конец. Капитан Чагин остался в кадрах Вооруженных сил, продолжил службу в военкомате в родном Ярославле. Он научился заново ходить, заниматься спортом, прыгать с парашютом.

Не только служивый народ обретал в Маресьеве свою нравственную опору. Его судьба и подвиг вдохновляли людей, далеких от армии, проявлять в трудные минуты стойкость, волю и упорство. Сохранилось удивительное письмо узбекского скульптора Касыма Мирзарахимова, которое он адресовал лично

Алексею Петровичу. Эти строки нельзя читать без волнения:

«Что вспомнил из детства? Заплаканные, грустные глаза мамы. Я заболел полиартритом. По совету врачей меня отправили в специализированный санаторий в Самарканд. Уезжал я нехотя, все хныкал. В лечебнице стал нелюдимым, избегал людей. И вот однажды лечащий врач, как бы невзначай, оставил на моей тумбочке книгу. “Повесть о настоящем человеке” — прочитал я на обложке. Книга захватила меня с первых строк. Моему восхищению судьбой летчика не было предела. И вот что заметил: незаметно для себя я стал другим, не жаловался на сильные боли в суставах, начал вносить себе, что обязательно поправлюсь...

В 1964 году я стал лепить из гипса портреты. Они очень понравились маме. Она сказала: “Ты у меня талантливый!” Она, конечно, преувеличивала. Но я решил: буду скульптором. Уже в 1965 году Союз художников Узбекистана организовал мою персональную выставку. А три года назад 20 моих лучших работ демонстрировались в Сочи, в литературно-мемориальном музее Николая Островского. Теперь готовлюсь к своей третьей персональной выставке».

А вот строки из телеграммы народного артиста Казахской ССР Кененбая Кожобекова: «Дорогой Настоящий человек, сердечно поздравляю с юбилеем! Много лет назад Ваше мужество и стойкость помогли мне вернуться к жизни, любимому делу. В 1960 году в схватке с бандитами я получил тяжелое увечье, стал пожизненно инвалидом первой группы. Повесть Бориса Полевого, Ваш подвиг вселил в меня уверенность, помог бороться с недугом. Я снялся в тридцати фильмах. Последняя большая работа роль в фильме “Волчья яма”.

Примите самые сердечные поздравления и пожелания счастья. Ваш подвиг будет вдохновлять еще не одно поколение людей. Искренне уважающий Вас, Кененбай Кожобеков, народный артист Казахской ССР».

Эту телеграмму в адрес Маресьева актер отправил 20 мая 1986 года, когда страна отмечала 70-летие со дня рождения легендарного летчика. К сказанному остается добавить, что Кененбай Кожобеков, находясь в инвалидной коляске, продолжал сниматься в кино. Его творческая деятельность была также отмечена Государственной премией Казахской ССР.

Сын Маресьева Виктор рассказал такую историю:

— Как-то к отцу обратился человек, который был разведчиком и провел на нелегальной работе 12 лет. У него дочка в 14 лет заболела менингитом и лежала в полной апатии два месяца. И он попросил, чтобы отец не просто дал ей автограф, а написал наставления по жизни. Алексей Петрович взял книгу и пошел к ней сам. Минут 45 пробыл у нее, а на следующий день она встала. Все у

нее в дальнейшей жизни сложилось удачно. В знак благодарности она даже пригласила отца на свою свадьбу.

Жизнь и судьбу Маресьева хорошо знали и за границей. «Повесть о настоящем человеке» была там издана почти 40 раз и на многих языках планеты.

В 1949 году Маресьев получил письмо от испанки, которая была на грани отчаяния из-за жизненных неурядиц, помышляла даже покончить жизнь самоубийством. Но, прочитав книгу о русском летчике, напрочь отбросила дурные мысли. Жизнь вошла в привычное русло, девушка встретила любимого человека, родила ребенка.

Письма, письма... Прочитываем одно из многих сотен, пришедших Настоящему человеку из-за границы. Ее автор, гражданка Болгарии Евдокия Ценкова, написала Маресьеву в 1967 году:

«В годы ранней юности мы уходили прокладывать дороги через горы, строить новый город Димитровград и на своем знамени выводили имя Маресьева. Недоедали тогда и мерзли под дырявыми палатками, но это не мешало каждому иметь заветную мечту — стать Настоящим человеком.

Многое изменилось с тех пор. Мы повзрослели. Но лучшее из того, что мы сберегли в себе, — это ощущение того, что рядом с нами Маресьев. Его имя мы по-прежнему воспринимаем как символ лучшего, самого светлого, что есть в Человеке!

В моей стране поколение за поколением ставит ЗНАК РАВЕНСТВА между Маресьевым и лучшими людьми страны, между Маресьевым и трудным, суровым мужеством всей земли».

Подтверждением этих слов служат воспоминания Николы Гаговски, земляка Евдокии Ценковой: «Служил я тогда солдатом на пограничной заставе “Орел”. У нас только что появилась книга Бориса Полевого “Повесть о настоящем человеке”. Она буквально захватила граничар [пограничников]. Ею зачитывались все. Читали вслух. Пересказывали. Обсуждали. Только и разговоров было...

Вот подошла и моя очередь. Перевернул я последнюю страницу и понял: нас на заставе стало на одного человека больше — на Алексея Маресьева. И так мне захотелось обо всем этом написать легендарному летчику. Но не успел.

— Тревога!

Схватив автоматы, мы бежали к границе.

Тяжелой выдалась та ночь... И все же мы выдержали — с нами был Маресьев.

Письмо в Москву я все-таки написал. Не ожидал, что получу ответ. Ведь ему, наверное, шлют сотни, тысячи писем со всего света. Но прошло время и...

— Говорит Москва!

Торжественный голос Левитана.

Затаив дыхание, мы ловили каждое слово диктора:

— Молодой болгарский пограничник пишет своему советскому другу, что смелый летчик стал для него самым дорогим и близким... что его подвиг будет навсегда ему уроком мужества. Письмо пограничника заканчивается словами: “Мы будем следовать вашему примеру в борьбе за мир и бдительно стоять на своем пограничном постуГерой Советского Союза Маресьев попросил нашего корреспондента передать по радио: “Дорогие болгарские друзья! С чувством глубокого удовлетворения я читал ваши письма. Я, как и все советские люди, радуюсь, что болгарские граждане единым фронтом поднялись на защиту своих достижений, на защиту мира во всем мире. Желаю от всего сердца своим болгарским друзьям успехов в строительстве новой жизни... Я рад, что болгарская молодежь растет непоколебимым защитником великого дела мира. Пусть крепнет советско-болгарская дружба!”

Он ответил нам!

Говорят, мечта не приходит одна. Кто из нас не хотел встретиться с самим героем! Мне повезло я стал участником VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Был прекрасный летний вечер. Столица празднично украшена, залита разноцветными огнями. На Манежной площади море людей. Сюда, на митинг протеста, собрались юноши и девушки с пяти континентов, чтобы сказать: Нет войне!”

К трибуне медленными, но уверенными шагами направляется мужчина среднего роста, широкоплечий, плотный, в коричневом костюме. Шум стихает. Маресьев... Маресьев...” Человек в коричневом костюме поправил спадавшую на лоб смоляную прядь и начал говорить...

Маресьев говорил, покоря миллионы молодых сердец — каждого, кто был на фестивале или слушал тогда его голос за тысячи километров от Москвы.

Капли пота выступили на его лице. Многие после митинга протягивали ему руки, чтобы приветствовать, услышать еще два-три слова человека из легенды.

На другой день Алексей Петрович пригласил нас к себе в гости. Мы окружили его — кто с микрофоном, кто с кинокамерой, фотоаппаратом. Он широко улыбался. Был приветлив. Оказался замечательным, радушным хозяином. И самое важное — очень скромным человеком. Его искренность и естественность меня просто поразили.

На мой вопрос, у кого учился мужеству, ответил:

— Их каждый знает. У Корчагина, у Чапаева и, конечно, у Валерия Чкалова.

— Алексей Петрович, а сейчас не тянет в небо?

— Очень...

Он улыбнулся.

...Мы расставались. Глаза его светились добротой, в строгих морщинах было отображено суровое мужество, а в обаятельной улыбке разливалась широта русской души».

Действительно, своей жизнью Маресьев излучал несокрушимый оптимизм, вселял в людей уверенность в том, что любые преграды, какими бы трудными они ни были, можно преодолеть. Для этого нужно лишь собрать волю в кулак, проявить мужество и стойкость.

Во время одного телевизионного интервью Алексей Петрович взял в руки большую пачку писем. «Это друзья, — сказал он. — Пишут из разных стран. Некоторые пострадали, как и я. Спрашивают: как поступить? Отвечаю им: “Надо жить!” Чтобы бороться и побеждать. В любой ситуации. Человек должен быть выше обстоятельств».

Без всякого преувеличения, Маресьев был своего рода путеводной звездой для нескольких поколений своих соотечественников. Как, впрочем, и для многих людей, живущих за границей. Он был настоящим героем своей эпохи.

Одновременно Алексей Петрович оставался до щепетильности скромным и невероятно совестливым человеком. Многочисленные панегирики в свой адрес он обычно воспринимал с чувством раздражения. Подтверждение этому находим в одном из его интервью: «Помню, однажды меня пригласили на встречу с первостроителями Комсомольска-на-Амуре [в октябре 1954 года. — *Н. К.*]. Предоставили слово, и я стал рассказывать все, как было — о своей болезни, о том, что мечтал совсем о другом. Следом за мной выступал Никита Хрущев. Он начал примерно так: “Перед вами кто выступал? Вы понимаете, кто перед вами выступал? Это ведь герой, легендарный летчик! Это знамя нашей молодежи!” И пошло-поехало: “Это знамя, это знамя...” Да елки зеленые... Терпеть этого не могу!»

Коллеги Маресьева по работе в СКВВ также отмечали его скромность. В частности, ведущий специалист отдела социально-правовой защиты ветеранов А. Я. Ивченко припомнил такой эпизод: «Говорят, слава находит своего героя и становится его тенью. Но чего уж не любил Алексей Петрович, так это славословия в свой адрес. Вспоминаю, когда в одной из первых бесед я совершенно искренне произнес, что, мол, приятно работать под началом знаменитого летчика, он “по-маресьевски” улыбнулся и произнес следующее: “Ну уж не надо так. Просто мне приятно, что многие люди в стране и за рубежом по-доброму относятся ко мне”».

По свидетельству сына Виктора, отец никакого особого отношения к себе не терпел. Взять хотя бы жилищные условия. Квартира у семьи Маресьевых, состоявшей из пяти человек, была не такая уж и большая. А по современным меркам — совсем

маленькая. Жилая площадь — всего 67 квадратных метров. Комнаты неудобные, узкие. У Маресьева были все основания, как говорится, улучшить жилищные условия. Однако он и не помышлял это делать. На том простом основании, что негоже ему привередничать в столь деликатном вопросе, как жилье. «Витька, — говорил Алексей Петрович сыну, — многие люди гораздо хуже нашего живут и ничего, не возмущаются. А ты хочешь, чтобы в меня потом тыкали пальцем: “Маресьев с жиру бесится».

Спал Маресьев всегда на твердой тахте. Домочадцы неоднократно предлагали ему приобрести хорошую кровать, а он строго придерживался своих строгих правил. «Витька, запомни: мужик всегда должен отдыхать на жестком ложе и презирать любые собственные слабости».

Маресьев никогда не пекся о личных благах. Для него всегда главным мерилom оставалось дело, которому он искренне и верно служил. На первом месте оставались дорогие его сердцу фронтовики, инвалиды войны, которые нуждались в помощи. За них, преодолевая бездушие иных чиновников, он шел, будто в последний бой. А номенклатурные работники никак не могли взять в толк, чего еще надо «живой легенде», у которой есть и хорошая пенсия, и персональный автомобиль, и квартира в центре столицы...

Между тем время неумолимо шло, бежало, летело. Дни, недели, месяцы спрессовывались в годы. Но и они мелькали один за другим, словно кадры старой немой кинохроники. К середине 1980-х годов Маресьев подошел к своему 70-летнему рубежу. Однако годы его не состарили, лишь слегка посеребрили голову. Алексей Петрович продолжал активно трудиться. Говоря словами поэта, покой ему только снился. Да и в стране наступали переломные времена...